

СПЕКТР СОЗНАНИЯ

Е.О. Труфанова

ЭСКАПИЗМ И ЭСКАПИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Аннотация: основной задачей данной статьи является прояснение термина «эскапизм», анализ истории его возникновения и использования в современных социо-гуманитарных науках. Показывается, что понятие эскапизма мало исследовано философскими науками и нуждается в подобном анализе. Предлагается рассматривать эскапизм не с точки зрения отрешенности индивида от внешнего мира, а как продуктивную творческую силу, как одну из важнейших составляющих индивидуального сознания.

В качестве классификации различных типов и проявлений эскапизма предлагается разделение на «мягкий» и «жесткий» эскапизм. «Мягкий» предполагает любую деятельность, ведущую к отходу от предписанной социальной активности, тогда как «жесткий» эскапизм проявляется в полном уходе личности в «другой мир».

Для описания способности человека к эскапистской деятельности вводится «эскапистское сознание». Наличие эскапистского сознания, как предполагает автор, является залогом полноты индивидуального бытия. В итоге, именно анализ эскапистского сознания показан как наиболее перспективное направление философского анализа проблемы эскапизма.

Ключевые слова: философия, эскапизм, Я, идентичность, бегство, сознание, диссоциация, воображение, реальность, виртуальный.

Феномен эскапизма отдельно практически не изучался философией¹. Как правило, об эскапизме речь идет либо на бытовом уровне (попытка «сбежать» от повседневных проблем в мир грез), либо на языке психологии. Ряд исследований посвящен так называемой «эскапистской литературе», к которой относится, прежде всего, художественная литература таких популярных жанров как фэнтези или научная фантастика. Однако эскапизм — намного более обширная проблема, чем может показаться на первый взгляд, и потому заслуживает отдельного философского исследования. И в первую очередь

необходимо исследовать эскапистское сознание как неотъемлемо присутствующую у любого индивида составляющую его сознания и психики, которая заставляет человека постоянно создавать новые точки притяжения, к которым его сознание стремится «убежать».

Эскапизм может приобретать болезненные, патологические формы, о чем еще пойдет речь ниже, однако это скорее исключения; эскапистами же в широком смысле слова являются все люди. В публицистической риторике, как, впрочем, и в большинстве словарных определений эскапизма, которые мы можем встретить, эскапизм используется как негативный термин, связанный со слабостью человека и его неспособностью стойчески встретиться с повседневными жизненными трудностями. Однако если мы сможем обнаружить человека, абсолютно лишённого эскапистского сознания, это, вероятно, будет индивид с особой психической патологией, которую нам даже трудно себе представить, ведь это бы означало, что у него должна полностью отсутствовать такая психическая способность как воображение.

¹ Практически все работы об эскапизме являются междисциплинарными. Из крупнейших западных работ следует упомянуть книги географа И-Фу Туана (Yi-Fu Tuan, “Escapism”. Baltimore, London, 1998) и психолога Эндрю Эванса (Evans A. This Virtual Life. Escapism and Simulation in Our Media World. London, 2001). В отечественной науке можно отметить только две кандидатские диссертации «Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе» М.А. Грекова, защищенную в 2008 г. и «Бытие эскейпизма в культуре» Мельниковой Л.Г., защищенную в 2009 г.

Эскапизм, однако, не должен приравниваться просто к воображению или фантазии, последние являются лишь наиболее распространенными способами реализации эскапизма: это те психические способности человека, которые делают возможным реализацию эскапистского сознания. Философский анализ данного явления не только поможет уточнить роль эскапизма в культуре и общественной жизни, но и позволит выявить ряд важных механизмов функционирования человеческого сознания и самосознания, связанных со способностью (и потребностью) человека к созданию «виртуальных» миров и взаимодействию с ними.

Следует также отметить, что значимость эскапистского сознания в жизни индивида в современных обществах в связи с высвобождением большего количества времени от работы и тяжелого физического труда, возрастает, и потому исследование эскапистского сознания именно сейчас представляется особенно актуальным.

Первая проблема, которая возникает при исследовании эскапизма, это заранее присутствующее негативное отношение к данному явлению. Это отношение продиктовано противопоставлением «настоящего», «реального», «материального», «обыденного» мира в котором живет человек миру фантазий и грез, в который он «убегает». Автоматически мы оцениваем «настоящее» как «хорошее» и «ненастоящее» как «плохое». Сразу можно возразить, что многие научные открытия тоже делались «в голове», но при этом они не являются «ненастоящими» и не оцениваются как нечто негативное. Воображаемые миры, фантазия играют в жизни человечества роль не меньшую, нежели «настоящая жизнь», потому такое противопоставление кажется странным. Особенность человеческой сущности, в отличие от прочих животных, заключается именно в том, что его сознание способно отрываться от «здесь и сейчас» и выходить за пределы непосредственно окружающей действительности.

Очень трудно найти какое-либо удовлетворительное определение эскапизма. Само слово происходит от английского глагола «to escape» — убегать, избегать, спасаться, ускользать. Глагол этот в свою очередь восходит к старофранцузскому *eschaper*, сформировавшемуся на базе средневековых латинских составляющих *ex- 'из' + cappa 'плащ'* (вероятно, имеется в виду «освободиться от одежды», «раскутаться»). Большинство определений эскапизма сводятся

к тому, что человек в ситуации стресса, кризиса или просто нежелания справляться с жизненными трудностями, стремится уйти от реального мира в мир иллюзий. Таким образом, эскапизм, как правило, рассматривается как социальная девиация или разновидность психического расстройства. И хотя и то, и другое относится к проявлениям эскапизма, это не является главным в данном феномене. Эскапизм же представляет собой вовсе не частный случай проявлений психики, обнаруживающийся в ситуациях кризиса, напротив, это одна из базовых, неотъемлемых способностей человеческой психики, неразрывно связанная с воображением, фантазией и познавательным инстинктом. Можно даже рискнуть сделать более смелое заявление: способность и тяга к эскапизму — это существенная черта человеческого бытия, одна из тех черт, которые проводят раздел между человеком и другими живыми существами, хотя даже животные за счет познавательного инстинкта стремятся расширить границы сферы своего обитания.

В большинстве существующих работ, посвященных проблематике эскапизма, внимание уделяется либо рассмотрению эскапизма в качестве психиатрического «симптома», либо социокультурной роли эскапизма. Но мне представляется наиболее важным другой аспект, который является коренным для обоих вышеназванных проблем — это эскапистское сознание, т.е. тот особый способ познания мира и самого себя, который придает человеческому бытию неисчерпаемую глубину, насыщенность, разнообразие, множественность. Без способности к эскапизму каждый индивид был бы лишь строго определенной социальной функцией, неспособной к развитию, к конструированию себя, к трансформации. Однако прежде чем вплотную приступить к исследованию особенностей эскапистского сознания, необходимо разобраться с терминами.

Эскапизм: история использования термина

Прежде всего следует прояснить, откуда берется понятие «эскапизм» и почему имеет смысл его использовать. Как утверждает Роберт Б. Хайлман, широкое употребление термина «бегство» (*escape*) в литературе начинается в начале 1930-х гг., хотя само понятие «литературы бегства» (*escape literature*), как и соответствующая литература возникают намного раньше.

Понятие «эскапизма» приходит чуть позже, хотя само слово также рождается в 1930-е гг. До этого сам термин «escape» в наиболее популярном современном значении «бегства от реальности» встречается лишь в единичных случаях, в частности у Ч. Диккенса в 1853 г.² Из ранних использований термина можно также вспомнить работу английского поэта и эссеиста А.К. Бенсона, который в своем сборнике 1915 г. «Escape, and Other Essays»³ в эссе так и названном «Escape» пишет именно об этом, новом для его эпохи понимании термина «бегство». Он утверждает, что все великие истории в литературе — это истории бегства или спасения. Он упоминает Иосифа, Одиссея, библейского блудного сына, Гадкого Утенка; даже истории любви, утверждает он, это истории «бегства» от состояния отсутствия любви к ее наличию. В великих трагедиях, когда отчаявшийся герой совершает самоубийство, это действие тоже представляет для героя бегство и спасение — он не уходит в тишину и безмолвие, он спасается он невзгод этого мира или же уходит туда, где его ждут его близкие. Однако все, что предлагает человеческое воображение за пределами жизни, все, что предлагают религии — однообразно и на самом деле не так уж привлекательно. Все они рисуют картину стабильности, спокойствия, однообразия, тогда как главное, чего мы на самом деле ищем в жизни, и что заставляет нас все время «бежать» — это тяга к разнообразию. Мы боимся смерти, утверждает Бенсон, потому что это состояние, где все наши привычные возможные действия уже невозможны. Там нам уже некуда бежать и в лучшем случае единственное, что остается — это память, а воспоминания о приятных, но давно прошедших событиях не служат утешением человеку, находящемуся в данный момент в тяжелой жизненной ситуации. Он также отмечает, что тяга к «бегству» заложена в вечной неудовлетворенности человека своим текущим бытием — поскольку, воплотив свое желание, даже самое огромное, в жизнь, человек не успокаивается — у него появляются только новые желания. Так, Бенсон, хотя он еще не использует термина «эскапизм», формулирует одну из важнейших причин эскапистских побуждений человека — тяга к разнообразию.

² Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. No. 3 (Summer, 1975). P. 439-458.

³ Benson A.C. Escape, and Other Essays. N.Y., 1915.

В 1939 слово «эскапизм» появляется в Webster's New International Dictionary и в 1940-е и 1950-е возникает в политической, культурной, исторической, искусствоведческой и литературной критике⁴. За редкими исключениями эскапизм рассматривался с негативной точки зрения.

После 1964 г. термин «эскапизм» встречается во множестве словарей. Webster's New Collegiate (1973) дает определение «обыденное отвлечение разума в сторону воображаемой или развлекательной деятельности в качестве бегства от реальности или рутины»⁵. Так, начиная с 1960-х гг. в большинстве англоязычных словарей в качестве одного из официальных значений слова «бегство» (escape) закрепляется «бегство от реальности» или схожие определения. В русскоязычной среде этого не происходит. Наиболее близким по смыслу понятием можно считать слово «отдушина». В словаре Ожегова, вышедшем впервые в 1949 г. в качестве второго, переносного значения этого слова употребляется «то, что дает исход чему-н. (чувствам, настроениям). Найти отдушину в беседах с другом. О. для души»⁶. По этому определению можно заметить, что здесь встречается наиболее по смыслу близкое к английскому «escape» слово «исход». В изначальном значении данного слова задействованы те же смыслы, что и в «escape» — бегство с одной стороны и спасение с другой, особенно если мы задействуем библейские ассоциации данного слова (сюжет Исхода евреев из Египта). Однако для обозначения культурного, психического и общественного явления равноценного русского термина предложено не было и в наших словарях закрепилось слово «эскапизм» (или «эскейпизм», что более точно с точки зрения звукопередачи, но более неудобно для русского произношения и написания). Иногда в том же значении используется понятие «бегство от реальности», однако оно само по себе является достаточно громоздким и приносит лишние смыслы.

Эскапизм: основные составляющие

Когда мы в дальнейшем будем рассматривать разные проявления эскапизма, было бы удобно

⁴ Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. No. 3 (Summer, 1975). P. 439-458.

⁵ Цит. по: Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. No. 3 (Summer, 1975). P. 439-458.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 12-е. М., 1978. С. 429.

пользоваться определенной классификацией. В качестве подобной классификации мы можем предложить разделение на «мягкий» и «жесткий» эскапизм. «Мягкий» предполагает любую деятельность, ведущую к отходу от предписанной социальной активности, например чтение книг, просмотр фильмов, путешествия, занятия творчеством и т.д. Тогда как «жесткий» эскапизм проявляется в полном уходе личности в «другой мир», как это происходит, например, у определенной группы участников ролевых игр. В ситуациях «жесткого» эскапизма речь идет не только об изменении окружения, но и о трансформации собственной психики, о бегстве от своего собственного Я.

Итак, следует отметить основные черты, характеризующие эскапизм. Во-первых, речь идет о бегстве, причем спасительном бегстве, избавляющем от негативных переживаний разного рода. Но бегстве откуда и куда? Утверждается, что эскапизм — это бегство от реальности. Первый вопрос, который необходимо задать — это фундаментальный философский вопрос: что мы подразумеваем под реальностью? А точнее — что мы в данном случае понимаем под реальностью? В применении к миру человеческой психики и социальных отношений вопрос о реальности становится особенно размытым, ибо что мы можем сказать однозначного о реальности социума, если социум по определению напрямую зависим от оценочно-субъективных мнений? Социальная и психическая реальность неоднозначны, зависимы от софистской максимы «человек есть мера всех вещей» и для того, чтобы придать им однозначность, необходимо все равно искать истоки в физической реальности. Я — женщина, потому что так утверждает строение моего тела и этот факт кажется неоспоримым, однако бывают случаи когда, вопреки подобным однозначным фактам физического мира, женщина может считать себя *на самом деле* мужчиной, заключенным в «неправильную» физическую оболочку. И это только один пример из множества. Таким образом, та реальность, от которой мы бежим, определяется как реальность не только и не столько нами, сколько окружающими нас людьми. Для коллеги по работе мое увлечение путешествиями по безлюдным уголкам природы может казаться эскапизмом, тогда как я могу это оценивать именно как самую реальную составляющую своего бытия, а время, которое я провожу на работе, как нечто вторичное и не-

существенное. Г.Р. Гайгер пишет еще в 1941 г. о том, что назвать что-то «эскапизмом» это, по сути, просто сказать «мне это не нравится», и эскапизмом зачастую называют любую деятельность, которая не относится к общественно-полезной активности (причем активности строго определенного толка)⁷. Например, во время гражданской смуты продолжать писать стихи о сокровенных чувствах, тогда как все пишут гражданскую патриотическую лирику — это эскапизм. Таким образом, любая деятельность, которая не приносит мне лично или (в особенности!) обществу материальной пользы, может считаться эскапизмом. Одно и то же действие, таким образом, может оцениваться одновременно как эскапистское или не эскапистское. Я пишу роман-фэнтези, выдумывая новый мир и погружаясь в него. Значит, я — эскапист. Однако если вспомнить, что я пишу его, чтобы продать издательству и заработать на этом себе на жизнь, то я — социально-активная личность и моя деятельность не имеет с эскапизмом ничего общего.

Тем не менее, в литературе эскапизм часто противопоставляется активной жизненной позиции. Особенно это касается использования термина «эскапизм» в социальной критике. Например, там где «активист» будет пытаться изменить неустраивающие его обстоятельства окружающего мира (допустим, устроит забастовку с целью добиться лучших условий труда, отмены неуютного политического решения и т.д.), «эскапист» постарается сделать вид, что этих негативных обстоятельств просто нет и вместо того, чтобы бороться за улучшение несовершенного реального мира, погрузится в мир приятных грез⁸. И хотя это противопоставление имеет под собой основание, его сторонники игнорируют тот факт, что эскапизм — это тоже своего рода деятельность, которая может требовать больших усилий и творческих ресурсов. Тем не менее, ключевой чертой эскапизма является отсутствие прямой связи эскапистской деятельности и материального мира. Это не значит, что связи нет совсем: например, туристическое путешествие или даже просто прогулка могут являться эскапизмом, а в них важную роль играет

⁷ Geiger G.R. Philosophy and Social Change // The Antioch Review. Vol. 1. No.1 (Spring 1941). P. 69-81.

⁸ Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. No. 3 (Summer, 1975). P. 439-458.

вполне материальное место, которое является целью путешествия. Или же человек участвует в полевой ролевой игре, уделяя много внимания костюму, оружию и прочим атрибутам, которые должны соответствовать выбранному персонажу. Однако во всех случаях эскапизм это, прежде всего то, что совершается «в голове», в сознании человека, а не то, какие материальные средства ему необходимы для этого. Эскапизм не привязан к материальной реальности, главную роль в эскапизме играют именно процессы, происходящие в сознании, именно поэтому наиболее важным представляется говорить об эскапистском сознании.

Главным в эскапизме, однако, является не вопрос о том, от чего человек бежит. Тут ответ достаточно очевиден: человек бежит от стрессов, дискомфорта, негативных ощущений и переживаний, от рутины и, как верно отмечает Бенсон, от однообразия. Однообразие заставляет сознание находиться в стагнации и мозг сам начинает требовать новых ощущений, новых впечатлений. Эскапизм, вероятно, представляет собой активность, необходимую мозгу также как сон. Сознание требует переключения и, чем более развито сознание, тем более сложными и развитыми могут являться способы эскапизма. Известны опыты, когда человека помещали в специальную камеру с минимальным количеством входящих сигналов для органов чувств. Через достаточно небольшой промежуток времени изголодавшийся по новой информации мозг начинал продуцировать сигналы сам, вызывая у человека иллюзии⁹. Как говорил Аристотель, «природа не терпит пустоты». Мозг человека рассчитан на большее, обладает значительно большим потенциалом, чем тот, который человек вынужден задействовать в повседневной жизни для выполнения каждодневных задач. Эти «свободные» ресурсы, возможно, и обеспечивают способность и стремление индивида жить помимо реального мира в некоем другом, виртуальном, воображаемом. Таким образом, важнейшей особенностью эскапистского сознания является то, что человек не просто бежит, но «бежит» в выдуманный и сконструированный им самим мир.

Эскапистское сознание: между психической девиацией и нормой

В большинстве случаев, когда в научной литературе термин «эскапизм» используется рядом с термином «сознание», речь идет о патологических ситуациях. Уход от реальности, как правило, трактуется однозначно негативно, психологи, например, даже перечисляют разнообразные варианты этого «бегства»: такие как рационализация (переопределение реальности), регрессия (уход от реальности), отрицание (исключение реальности), проекция (перемещение внутреннего чувства во внешний мир) и т.д. Распространенными у невротиков способами бегства являются «бегство в болезнь» и «бегство в слабость»: человек оправдывает свое неучастие в каких-то событиях или отсутствие активной деятельности тем, что он был болен или является слишком слабым, чтобы проявлять активность. В такой ситуации человек, заранее опасаясь неудачи, предпочитает вовсе не предпринимать попытки что-либо сделать¹⁰. В рамках психологических исследований, связанных с проблемой эскапистского сознания, упоминаются такие заболевания и синдромы как аутизм, психогенные расстройства, синдром дереализации и т.п. Однако, рассмотрев их более подробно, можно отметить, что в них в большинстве случаев присутствует лишь половина содержания эскапистского сознания, т.е. присутствует сам факт «бегства», однако отсутствует продуктивная составляющая эскапизма.

Большинство авторов, пишущих об эскапизме, непременно упоминают аутизм. Аутизм характеризуется в первую очередь неспособностью ребенка (и, в дальнейшем, взрослого) к нормальной социализации, к установлению социальных связей и коммуникации. Отсутствие дружеских и прочих близких связей обусловлено у аутистов, вероятно, не столько их выбором отказаться от тесного общения, сколько с неспособностью поддерживать его на должном уровне¹¹. Таким образом, эскапизм в данной ситуации, выражающейся в бегстве от обще-

¹⁰ Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. № 331. Февраль 2010.

¹¹ Burgess A.F., Gutstein S.E. (2007). «Quality of life for people with autism: raising the standard for evaluating successful outcomes». Child and Adolescent Mental Health 12 (2): 80–6.

⁹ Lilly J.C. The Scientist: A Novel Autobiography. Lippincott, 1978.

ства, является не желанием самих аутистов, а неизбежным следствием их болезни. Аутистам свойственно также погружение в какую-то узкую проблему, заикленность на чем-то одном и нежелание видеть ничего вокруг, кроме этого избранного аспекта. Судя по всему, аутизм не означает богатства и разнообразия того мира, в который погружен аутист. Он «бежит» от внешнего мира не потому что ищет чего-то другого — разнообразного, интересного, захватывающего, он просто не в состоянии преодолеть барьер, который воздвигнут его собственной психикой. То же самое относится к подобным психическим отклонениям, как, например, социопатия. Таким образом, здесь наблюдается лишь одна из черт, которые принято считать характерными для эскапизма — оторванность от общественной жизни, отсутствие активной социальной позиции. Эскапизм в строгом смысле предполагает сознательное, более или менее управляемое «бегство», тогда как перечисленные выше отклонения просто делают невозможным взаимодействие с социумом. Более того, наиболее важной продуктивной чертой эскапизма является то, что сознание эскаписта творит новый мир и отчасти новое сознание, тогда как в случаях аутизма, например, изоляция от социума не означает разнообразия внутреннего мира, напротив, круг интересов аутистов и социопатов, как правило, узок, в большинстве случаев они являются экспертами в какой-то крайне ограниченной области. Таким образом, подобные явления могут только частично быть отнесены к эскапизму.

Эскапистское сознание всегда связано с расщеплением сознания, с удвоением мира. Человек стремится вырваться из привычных рамок своего обыденного мира и оказаться в некоем другом — воображаемом. Потому если искать родственные эскапизму явления в психиатрической практике, то можно утверждать, что эскапистское расщепление сознания наиболее ярко наблюдается в так называемых диссоциативных расстройствах. Речь идет о группе психических расстройств, характеризующихся изменениями или нарушениями ряда психических функций — сознания, памяти, чувства личностной идентичности, осознания непрерывности собственной идентичности. При «диссоциации» некоторые из психических функций, обычно интегрированных в психике, отделяются от потока сознания: так может утрачиваться личностная идентичность

и возникать новая, как это происходит в состояниях фуги или множественного личностного расстройства, либо могут стать недоступными для сознания отдельные воспоминания, как в случаях амнезии. Диссоциация, как правило, проявляется как некий вариант фрейдовского «вытеснения» — травматические, негативные переживания в данном случае не загоняются в подсознание, а как бы «отщепляются» от основной личности — либо путем забывания, либо путем формирования другой личности.

В состоянии диссоциативной (психогенной) фуги (fugue) или реакции бегства (что этимологически родственно термину «эскапизм») человек страдает временными потерями памяти, он покидает свое привычное окружение, может уйти в другое место и там начать новую жизнь, приняв новую идентичность, не будучи в состоянии вспомнить прежнюю¹². Подобные фуги, однако, встречаются довольно редко, и часто возникают под воздействием тяжелого стресса, вызванного природными катастрофами или травмами военного времени. Часто психогенные фуги появляются у подростков, в результате кризисов идентичности, травматических событий, глубоких эмоциональных стрессов. Эти нарушения в своей основе часто имеют некий психологический конфликт или депрессию, а также могут быть вызваны органическими психическими заболеваниями. Как возникновение фуги, так и выздоровление, приходят, как правило, быстро и неожиданно. Как правило, в состоянии фуги больной характеризуется аффективно-суженным сознанием, т.е. резким ограничением объема сознания с сохранением только основных эмоционально значимых связей с окружающим миром и лишь частичной новой самоидентификацией¹³.

Особенно интересным является диссоциативное расстройство идентичности или расстройство множественных личностей (multiple personality disorder, MPD), феномен, к которому проявляют большой интерес современные исследователи сознания, особенно в США. Долгое время к этому заболеванию не относились до-

¹² См., напр., описание случая А. Бурна в James W. The Principles of Psychology, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

¹³ Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M. Psychogenic amnesia – A malady of the constricted self. Consciousness and Cognition 19, 2010. P. 778–801.

статочно серьезно, сомневаясь в его подлинности, однако с 1980 г. MPD официально диагностируется как болезнь. Впервые случай больного MPD был описан еще в конце XIX века, в последние же годы исследователи насчитывают тысячи страдающих синдромом раздвоения личности. Чаще всего встречается именно раздвоение личности, одна личность сменяет другую, причем первоначальная не имеет доступа к воспоминаниям второй, а вторая может обладать воспоминаниями обеих, но может и также иметь только свои воспоминания. Р.Дж. Лифтон¹⁴ приводит удивительные факты, ссылаясь на исследования 1988 г. — у страдающих этим синдромом в среднем может существовать порядка одиннадцати «личностей», причем они могут различаться не только гендерными и возрастными самоопределениями, но и чисто физиологическими факторами, такими как ритмы сердечных сокращений или аллергические реакции.

Возникновение MPD в большинстве случаев объясняется пережитым в детстве тяжелым физическим, сексуальным или психологическим насилием. Вероятно, именно по этой причине порядка 90% больных MPD — женщины¹⁵. Считается, что ребенок, стремясь забыть боль, стыд и страх, связанные с подобным насилием, пытается «сделать вид», что это произошло не с ним, а с кем-то другим, таким образом, формируя альтернативную личность или личности. Также второй личностью человека может стать выдуманный ребенок «друг», с которым он общается и играет (это характерно для детей, изолированных от общества, ограниченных в общении), или даже выдуманная сиротой «мама». Как правило, MPD распознается уже у взрослых людей, хотя и начинается уже в детстве или в подростковом возрасте. Лифтон полагает, что зачастую из двух возникших «личностей» одна является «нормальной», а другая — проявляет склонность к насилию, в ответ на насилие, испытанное в детстве¹⁶. Многие философы используют феномен MPD в качестве

доказательства возможности существования в человеке нескольких личностей, мы же можем сказать, что в случае MPD мы имеем дело с «жестким» эскапизмом, в котором происходит существенная трансформация сознания.

Рассмотренные выше психические отклонения хотя и достаточно непосредственно связаны с темой эскапизма, тем не менее, представляют радикальные случаи «бегства», в которых решение о «бегстве» принимается не добровольно, а вынужденно. Это порождения нарушенного сознания, тогда как эскапистское сознание интересует нас в первую очередь не как патология, а как неотъемлемая составляющая человеческого бытия. Эскапистское сознание, используя в качестве своих основных механизмов воображение, фантазию и творческое мышление, позволяет человеку не просто получить разрядку, отдых от обыденности, но и найти новые способы постижения мира. Эскапизм — это не самообман, в ходе которого человек подменяет желаемой реальностью настоящую¹⁷, это активное творческое конструирование субъективной реальности, которое может послужить способом к лучшему пониманию реальности объективной. Разве не является уходом сознания от физической реальности процесс построения научной теории, созидания произведения искусства? Эскапистское сознание не просто «бежит», оно отправляется в путешествие, которое ведет его не только к новым впечатлениям, но и новым открытиям.

Эскапизм как путешествие

Итак, мы определились, что одной из главных черт эскапизма является создание нового мира (или миров). Понятие «мир» в данном случае не является всеобъемлющим, эскапизм не требует полного отказа от существующей реальности, часто бывает достаточно небольшой ее трансформации, привнесению в реальность новых смыслов, дополнения реальности. Однако в ряде ситуаций происходит почти полное психическое замещение реальности. Таким образом, эскапизм рассматривается как путешествие человека в им же сотворенный новый «мир».

¹⁴ Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.

¹⁵ Есть, однако, предположение, что такое соотношение связано с тем, что мужчины с MPD чаще попадают в тюрьму, нежели к психиатру. См.: Hacking I. Rewriting the Soul. Multiple Personality and the Sciences of Memory. Princeton University Press, New Jersey, 1995.

¹⁶ См.: Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.

¹⁷ Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. № 331. Февраль 2010.

Эскапистское сознание было свойственно человечеству с момента его появления. Мифологические образы, представления о загробном мире, легенды о «золотом веке», сказаниях о волшебных землях, населенных удивительными существами — все это плоды эскапистского сознания. С одной стороны, это была попытка справиться со страхом перед непонятым, неизведанным: попытка рационализировать необъяснимое. То, что находится за границами возможности познания, трансформируется в миф, в художественный образ, в фантазию. Но с другой стороны попытка избавиться от страха неизведанного приводила именно к проявлениям эскапизма — в данном случае бегства от незнания, невозможности познания к искусственному конструированию приятных или, напротив, пугающих, будоражащих воображение картин и миров, в которые человек погружался с помощью фантазии. И-Фу Туан отмечает, что тяга к эскапизму уводит воображение человека не только к прекрасному и лучшему, но также к ужасающему и кошмарному. Дети совершенно самостоятельно начинают бояться темноты и «кого-то, кто прячется под кроватью», наше сознание постоянно рождает в нас зачастую необоснованные страхи, которые, тем не менее, необходимы нам для жизненного разнообразия. Если в нашей жизни не хватает впечатлений, мы начинаем искать «источники адреналина» в экстремальных видах спорта, фильмах ужасов или же просто наблюдая за страданиями других людей (от публичных казней средних веков до новостных передач наших дней)¹⁸.

От страха перед неизведанным человек бежит в воображаемый, но зато более определенный и понятный мир, мир, которым он может управлять. Этот мир нематериален, он не подчиняется законам «реального» мира и за счет этого он подвластен воле человека, и потому он может ощущать себя в нем более комфортно и защищенно. Так, персонифицированные страхи, которые воплощаются в мифах и суевериях, являются способом борьбы со страхом необъясненным: шорох в темном углу пугает значительно меньше, если мы будем точно знать или представлять себе, кто именно там шуршит. Так, эскапизм может являться также бегством от необъясненного к объяснимому, от невысказанного к ясно выраженному.

Однако воображаемые миры обладают определенной степенью или иллюзией самостоятельности. Это является, в частности, залогом того, что несколько разных людей могут разделять представления о едином воображаемом мире, т.е. эскапизм будет коллективным¹⁹. Неслучайно мифы представляют собой образы и архетипы коллективного бессознательного нежели индивидуальной фантазии, хотя переживание воображаемой реальности будет особым для каждого отдельного человека.

Одной из древнейших форм эскапизма является религия. Она может проявляться в упомянутых выше мифологических формах, особенно в форме представлений о загробном мире. Загробный мир, представляется, как правило, «улучшенной версией» мира обыденного, где человек получает в избытке то, что приносит ему удовольствие (вспомним гурий, окружающих мужчину в мусульманском раю) или же просто избавление от страданий и невзгод, которые сопутствуют земному существованию (освобожденная от страданий христианская душа в раю или достигшая нирваны душа буддиста). Погружение эскапистского сознания в ожидание этого лучшего мира позволяло индивиду смириться с несовершенством мира посястороннего. Эти эскапистские чувства использовались в средние века Церковью для того, чтобы примирить народ с нищетой, социальным неравенством и несправедливостью, обещая, что это лишь временно, а дальше будет обетованное благоденствие. Этой же стратегии придерживались тоталитарные идеологи, обещая своим народам «светлое будущее».

Здесь напрашивается аналогия эскапизма и утопизма. Один из первых утопистов, Платон, противопоставляя свой «идеальный» мир миру земному, именно первый рассматривает как настоящий, истинный, хотя с точки зрения обыденного сознания он-то как раз и является воображаемым, вторичным. В мире идей содержится собственно идеал, к которому необходимо стремиться во всем — от познания мира до построения идеального государства²⁰. Утопия сродни обещанию загробного мира с его спокойствием, упорядоченностью и безбедным существованием. Однако, как верно замечает

¹⁹ Как, например, сектанты, объединенные верой, что в определенный день настанет Конец Света.

²⁰ Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 47-58.

¹⁸ Yi-Fu Tuan. Escapism. Baltimore, London, 1998.

Бенсон, проблема большинства утопий в том, что совершенно непонятно, как в них живут люди, которым нечего уже улучшать, не к чему стремиться²¹. Так, обещание рая в тяжелое мгновение жизни может оказаться утешением, но в моменты душевного спокойствия и благополучия загробный мир не выглядит таким уж привлекательным, будь то рай или ад. Этот мир, как верно отмечает выше Бенсон, является финальным, окончательным, он лишен дальнейших изменений, лишен будущего и потому скорее пугает, нежели вдохновляет. Лучший мир, в который стремится эскапист, зачастую отличен от загробного мира или утопии: он необязательно более справедливый, совершенный и лишенный бед, он просто иной, отличный от повседневного мира человека. Эскапист стремится «убежать» не только и не столько от невзгод, сколько от рутины, от однообразия.

Эскапизм является одновременно путешествием и в пространстве, и во времени. Мы мечтаем о далеких странах, говорим «хорошо там, где нас нет». Многим людям также известны ощущения, что они родились не в своей эпохе и даже испытывают ностальгию по неким ушедшим временам. Картину подобного чудесного путешествия в «золотой век» своих грез представил голливудский режиссер Вуди Аллен в своей последней кинокартине «Полночь в Париже». Это экзистенциальное чувство «заброшенности» в чуждый мир, нахождения не в «своем» времени проявляется очень часто: так, например, может трактоваться и ностальгия о молодости.

Эскапизм в прямом «географическом» смысле получает наибольшее распространение в эпоху романтизма. Романтики практически все являются и эскапистами в той или иной мере, причем для них уход в себя очень часто связан с географическим уходом из привычного места обитания. Эскапизм, желание «сбежать, уехать от всего» становится особенно воплотим в прямом смысле с развитием массовой мобильности²². Так географический эскапизм рождается в эту эпоху — эпоху начала туристических путешествий и развития железных дорог и пароходов. В этот же период, вероятно, становится особенно обостренным противостояние городской среды и природной, которое играет важную роль в со-

временном эскапизме. И-Фу Туан рассматривает эскапизм в самом глобальном смысле как бегство человека от природы и результатом этого бегства является создание человеческой культуры. Даже популярное бегство «обратно к природе» (в том числе знакомое и романтикам) не является возвращением к «реальности» и, парадоксальным образом, к самой природе²³. В путешествиях к природе человек все равно ищет в ней уже заложенные им смыслы и образы, а не возвращается к изначальному состоянию.

Можно заметить характерную черту многих популярных «эскапистских» произведений — романов и фильмов жанра фэнтези. Во многих из них в качестве окружающей среды, места действия предлагаются широкие, безлюдные пространства²⁴, поскольку современный человек, особенно житель большого города, слишком устаёт от большого количества людей, которых он постоянно встречает, от окружающей его техносферы, и в эскапизме он ищет уединения, единения с природой или же небольшой компании избранных товарищей. Можно предположить, однако, что для жителей небольших городов и деревень, напротив, наиболее привлекательным будет эскапистский образ большого города, где жизнь бурлит и постоянно что-то происходит. Не случайно многие жизненные истории, биографии начинаются с рассказа о том, как человек «вырвался» из скучной однообразной жизни в своем родном городке (т.е. буквально «спасся бегством») и приехал покорять большой город.

Однако для эскаписта главным является не перемещение в пространстве, а те изменения в самосознании и восприятии реальности, которые вызывает это перемещение. Важно то, какие именно эмоции, ассоциации, образы, впечатления возникают в связи с новым окружением, причем человек зачастую уже заранее подходит к цели своего путешествия с определенными ожиданиями. Основным для эскаписта в путешествии является поиск новых стимулов для работы мозга, новых впечатлений.

Эскапизм как путешествие, однако, значительно чаще является путешествием в переносном смысле. Это в любом случае путешествие в воображаемый мир (даже если основой для этого воображаемого мира является какой-то уголок

²¹ Benson A.C. *Escape, and Other Essays*. N.Y., 1915.

²² Heilman R.B. *The Sewanee Review*. Vol. 83. No. 3 (Summer, 1975). P. 439-458.

²³ Yi-Fu Tuan. *Escapism*. Baltimore, London, 1998.

²⁴ См., напр.: Толкиен Дж.Р.Р. Властелин колец и одноименную экранизацию этого произведения режиссера П. Джексона.

мира реального). И опять же — ключевой целью эскапистского путешествия является «бегство» от однообразия. Иногда, впрочем, эскапизм, напротив, проявляется как «возвращение домой» — когда человек, сталкиваясь с чем-то новым и непонятным, отказывается воспринимать это «новшество» и пытается объяснить его исходя из своих старых знаний и представлений (отрицание), т.е. вместо творения новых миров, человек сознательно вызывает какие-то привычные образы, как защитную реакцию от шока, вызванного непривычной ситуацией, новыми впечатлениями.

Целью же «путешествия» часто становится мир, описанный в книге или показанный в фильме. Неслучайно эскапизм зачастую связывают (и совершенно справедливо) с медиа²⁵. Как утверждают проведенные в США исследования, более нервные и склонные к волнениям женщины статистически являются более частыми потребителями бульварной литературы и мыльных опер. Дети, чьи отношения с родителями более дистанцированы, являются немного более склонными к приключенческим историям. Также по опросу дети из семей среднего класса, испытывающие проблемы в отношениях с родителями, больше смотрят телевизор. Чем более напряженные конфликты у родителей с детьми, тем больше потребление телевидения и тем меньше чтение, а также чем ниже самооценка, тем больше ребенок проводит с телевидением²⁶. Последнее невольно заставляет вспомнить роман-предупреждение Рэя Брэдбери «451 по Фаренгейту», где человечество погружено в жизнь героев на телевизионных экранах, которых они даже называют родственниками и которые для них не только заменяют книги (которые уничтожают в целях общественной безопасности), но и, по сути, заменяют живое человеческое общение. Эскапизм, транслируемый через СМИ наиболее прост в восприятии, он воздействует непосредственно на эмоции, не требуя особых психических и интеллектуальных усилий²⁷. Персонажи «эскапистских» фильмов и

сериалов, утверждают критики, являются либо слишком плохими, либо слишком хорошими, такими, какие наиболее апеллируют вкусу публики. Вовлеченность в жизни этих персонажей и считается эскапизмом²⁸. В то же время книга, являясь таким же источником эскапизма, требует значительно большей сосредоточенности и активности сознания.

Таким образом, мы можем заметить, что эскапизм может представлять собой путешествие сознания не только во времени и пространстве, но от одного эмоционального состояния к другому, от одного набора социальных интеракций к иному, воображаемому. Потребность сознания в подобных путешествиях является естественной потребностью мозга. Знаменитый Шерлок Холмс, оправдывая свое злоупотребление кокаином в отсутствие расследования, восклицал «*Мой мозг... бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности*»²⁹. Так, мы видим, что сознание требует работы не меньше чем отдыха. И даже если мы рассматриваем эскапизм в качестве варианта досуга, т.е. отдыха, то применительно к сознанию мы приходим к той ситуации, когда, как утверждает пословица, «лучший отдых — это смена деятельности». Ничто не позволяет мозгу отдохнуть лучше чем «переключение» с одной картины реальности на другую.

Иногда эскапизм выражается как пассивное поведение — бегство, за которым ничего не следует, однако, как правило, эскапизм представляет собой именно деятельность, созидательную активность. Эскапистская деятельность такого типа всегда характеризуется формированием новых Я-образов. Эскапизм дает возможность самореализации тем, кто чувствует ее недостаток в повседневной жизни.

танском BBC с 1960-х гг. по сей день почти без перерывов, посвящен путешествиям во времени и пространстве главного героя-инопланетянина, воплощающего собой эскаписта, который никогда не сидит на месте и вечно стремится к новым горизонтам.

²⁵ См., например: Греков М.А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе. Диссертация на соиск. степени к.филос.наук. Омск, 2008.

²⁶ Katz E., Foulkes D. On the Use of the Mass Media as “Escape”: Clarification of a Concept // The Public Opinion Quarterly. Vol. 26. No. 3 (Autumn, 1962). P. 377-388.

²⁷ Самый долгоиграющий в истории телевидения научно-фантастический сериал «Доктор Кто», выходящий на бри-

²⁸ Katz E., Foulkes D. On the Use of the Mass Media as “Escape”: Clarification of a Concept // The Public Opinion Quarterly. Vol. 26. No. 3 (Autumn, 1962). P. 377-388.

²⁹ Конан Дойль А. Знак четырех // Конан Дойль А. Собр. соч. в 8-и тт. Том I. М., 1966. С. 152.

Стремление к эскапизму является характерной чертой современного общества. Это связано с увеличением времени досуга с одной стороны, и с размытостью общественных идеалов с другой стороны. Человек, ориентированный на какую-то внешнюю цель в жизни менее подвержен «впадению» в эскапизм. Эскапизм характерен для тех, кто, чувствуя недостаток чего-то в повседневной жизни, ищет это «что-то» в другом месте. Этим недостатком, как правило, является недостаток *Я*-образов. Будучи неспособным полностью максимально раскрыть свое *Я* в обыденной жизни, человек вынужден раскрывать свой потенциал с помощью виртуального мира. Сама же необходимость развертывания новых *Я*-образов, которая приводит к эскапизму, с экзистенциальной точки зрения объясняется стремлением к бессмертию.

Эскапизм позволяет жить не дважды, и не трижды, а бесконечное множество раз. Многие отмечали, что ход времени изменчив — в

зависимости от наших ощущений, оно будто сжимается или растягивается. Разумеется, это не физические, а психологические характеристики времени. Но благодаря этой психологической особенности, эскапизм позволяет человеку пережить за определенный промежуток времени много больше, чем это представляется возможным. Однако этого можно достигнуть, только если эскапизм не становится самоцелью, если временное убежище не превращается в постоянное, и если подобных убежищ множество. Эскапизм также играет важную роль в формировании и удержании стабильной идентичности, поскольку для идентичности играют одинаково важную роль как события нашей непосредственной реальной жизни, так и события нашего внутреннего мира, в том числе и фантазии — в том случае, если они представляются нам важными. Наличие эскапистского сознания, таким образом, является залогом полноты индивидуального бытия.

Список литературы:

1. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
2. Замошкин Ю.А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966.
3. Кортунов В.В. Бегство от реальности, или Обратная сторона телекоммуникационных технологий. М., 2003.
4. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010.
5. Хейзинга Й. Homo ludens // Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М., 1997.
6. Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 47-58.
7. Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. № 331. Февраль 2010.
8. Benson A.C. Escape, and Other Essays. N.-Y., 1915.
9. Burgess A.F., Gutstein S.E. Quality of life for people with autism: raising the standard for evaluating successful outcomes. Child and Adolescent Mental Health 12 (2): 80-6, 2007.
10. Evans A. This Virtual Life. Escapism and Simulation in Our Media World. London, 2001.
11. Geiger G.R. Philosophy and Social Change // The Antioch Review. Vol. 1. № 1 (Spring 1941). P. 69-81.
12. Gergen K. The Saturated Self: Dilemmas Of Identity In Contemporary Life. N.-Y., 1991.
13. Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. № 3 (Summer, 1975). P. 439-458.
14. James W. The Principles of Psychology, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
15. Katz E., Foulkes D. On the Use of the Mass Media as "Escape": Clarification of a Concept // The Public Opinion Quarterly. Vol. 26. № 3 (Autumn, 1962). P. 377-388.
16. Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
17. Lilly J.C. The Scientist: A Novel Autobiography. Lippincott, 1978.
18. Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M. Psychogenic amnesia — A malady of the constricted self. Consciousness and Cognition 19, 2010. P. 778-801.
19. Yi-Fu Tuan. Escapism. Baltimore, London, 1998.

References (transliteration):

1. Debor G. Obschestvo spektaklya. M., 2000.
2. Zamoshkin Yu.A. Krizis burzhuaznogo individualizma i lichnost'. M., 1966.
3. Kortunov V.V. Begstvo ot real'nosti, ili Oborotnaya storona telekommunikatsionnykh tekhnologiy. M., 2003.
4. Trufanova E.O. Edinstvo i mnozhestvennost' Ya. M., 2010.
5. Kheyzinga Y. Homo ludens // Kheyzinga Y. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury. M., 1997.
6. Chertkova E.L. Metamorfozy utopicheskogo soznaniya (ot utopii k utopizmu) // Voprosy filosofii. 2001. № 7. S. 47-58.
7. Yarovenko S.A. «Begstvo ot real'nosti»: Automifologizatsiya kak garmonizatsiya «Ya-bytiya» cherez prinyatie illyuzii» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 331. Fevral' 2010.
8. Benson A.C. Escape, and Other Essays. N.Y., 1915.
9. Burgess A.F., Gutstein S.E. Quality of life for people with autism: raising the standard for evaluating successful outcomes. Child and Adolescent Mental Health 12 (2): 80-6, 2007.
10. Evans A. This Virtual Life. Escapism and Simulation in Our Media World. London, 2001.
11. Geiger G.R. Philosophy and Social Change // The Antioch Review. Vol. 1. № 1 (Spring 1941). P. 69-81.
12. Gergen K. The Saturated Self: Dilemmas Of Identity In Contemporary Life. N.Y., 1991.
13. Heilman R.B. The Sewanee Review. Vol. 83. № 3 (Summer, 1975). P. 439-458.
14. James W. The Principles of Psychology, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
15. Katz E., Foulkes D. On the Use of the Mass Media as «Escape»: Clarification of a Concept // The Public Opinion Quarterly. Vol. 26. № 3 (Autumn, 1962). P. 377-388.
16. Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
17. Lilly J.S. The Scientist: A Novel Autobiography. Lippincott, 1978.
18. Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M. Psychogenic amnesia — A malady of the constricted self. Consciousness and Cognition 19, 2010. P. 778-801.
19. Yi-Fu Tuan. Escapism. Baltimore, London, 1998.